

²³ Там же. – С. 64.

Резюме

Кулікова А.С. Лекції М.М. Луніна з історії Реформації: до 200-річчя з дня народження

Нещодавно у фондах Центральної наукової бібліотеки ХНУ імені В.Н. Каразіна автором статті був знайдений рукопис конспекту лекцій талановитого вченого, професора Харківського університету М.М. Луніна з історії Ранняго нового часу. У статті розглядається частина цього доробку – лекції з історії Реформації. Вони являють собою першу спробу висвітлення російським істориком однієї з центральних проблем західноєвропейської історії XV ст.

Лиман С.И., Сорочан С.Б.

ХАРЬКОВСКИЙ ПЕРИОД НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЗЕРНИНА (1821-1866)

Среди историков Харьковского университета, чьи достижения незаслуженно скупо отражены в штудиях современников и потомков, особое место принадлежит Александру Петровичу Зернину. Почти все его работы, опубликованные в харьковский период научно-педагогической деятельности, посвящены византистике, развитию которой в Харьковском университете он придал новый импульс, новое направление. С рядом оговорок А.П. Зернин может быть признан ключевой фигурой в византистике украинских земель Российской империи середины XIX в., региональным лидером этой отрасли исторической науки того времени и одним из её корифеев общероссийского масштаба. Вместе с тем его трагически закончившаяся жизнь напоминает стрелу, точно летящую в цель, но не долетевшую до неё.

В отечественной историографии ещё не создано обобщающих работ, посвящённых вкладу А.П. Зернина в изучение истории средних веков и, прежде всего, Византии. Его творчество рассматривалось лишь в контексте отдельных проблем: изучения деятельности ученика А.П. Зернина, харьковского историка М.Н. Петрова¹, истории медиевистики² и византистики в

Харьковском университете³, дореволюционной отечественной исторической науки в целом⁴. В последнем случае характеристика его научного наследия исчерпывается краткими сведениями о периоде преподавания и простым перечнем его работ. Перечнем основных трудов А.П. Зернина ограничивается и оценка его деятельности в известной историографической работе Г.Л. Курбатова⁵. Краткие биографические данные о нём изложены в труде “Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905)”⁶. Данный историографический обзор свидетельствует о недостаточной изученности научной деятельности А.П. Зернина. Таким образом цель данной статьи – на максимально доступном материале показать вклад А.П. Зернина в изучение проблем зарубежного средневековья и установить, в какой мере эти исследования отражали основные прогрессивные тенденции исторической науки того времени, какое место занимал в них ученый.

Александр Петрович Зернин родился в 1821 г. в Петербургской губернии. Близость столицы, дворянское происхождение и ранние склонности к изучению истории сулили ему многообещающее будущее. Отечественная профессура принадлежала в то время к числу наиболее высокооплачиваемой части государственных служащих, а относительно быстрое получение учёных степеней и должностей автоматически вело к столь же быстрому росту в престижной “Табели о рангах”. Выбор был сделан. Уже в 15-летнем возрасте А.П. Зернин поступил в Петербургский Главный педагогический институт, по окончании которого в 1844 г. был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В 1846 г. в Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже сформировавшимся византинистом он прибыл в Харьковский университет. Здесь, на историко-филологическом факультете, А.П. Зернин состоял в штате с 1847 по 1863 г. В 1851 г. он стал экстраординарным, а в 1854 г. – ординарным профессором. Отметим также, что в течение трёх лет (1859-1862) А.П. Зернин был деканом факультета и,

напрягая силы, пытался сочетать административные обязанности с занятиями наукой и преподаванием.

На этом факультете А.П. Зернин читал лекции сразу по нескольким курсам: всеобщей истории, статистике, русской истории. Различные периоды зарубежного средневековья, как значится в «Обозрениях преподавания предметов»⁷, он излагал в лекциях по «всеобщей средней истории» и «новой истории» с 1847 по 1851 и с 1858 по 1861 гг. Данные этих «Обозрений позволяют поставить под сомнение утверждение В.П. Бузескула о том, что А.П. Зернин преподавал всеобщую историю лишь в 1847-1851 гг.»⁸

А.П. Зернин первым в украинских землях Российской империи ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам византийской истории. Новаторские подходы А.П.Зернин обнаруживал и в научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлечённых им источников. По сути дела, им был заложен новый подход, наметивший истоки будущих успехов отечественной византистики, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

В то же время сохранившиеся отзывы о А.П. Зернине как о лекторе-преподавателе отличаются заметной сдержанностью. Блестящим оратором и артистической натурой он не был. Хорошо знавший его А. Деревницкий, даже в самых корректных выражениях о нём всё же не мог не нарушить этического правила древних римлян “De mortuis aut bene, aut nihil”. По словам мемуариста, А.П. Зернин не выдерживал сравнения со своим знаменитым коллегой, профессором-славистом И.И. Срезневским: «Что же касается Зернина, то он был менее популярен, - указывал А. Деревницкий. – Его понимали и ценили весьма немногие, большинство же студентов относились к нему холодно». Этот отзыв дополнялся фразой о том, что А.П. Зернин «был не красноречив»⁹. Между тем к лекциям своим учёный относился настолько добросовестно, что продолжал их чтение даже в условиях ухудшения здоровья. Всё чаще во время этих лекций с А.П. Зерниным стали случаться обмороки¹⁰. Сильное нервное переутомление переросло в болезнь: после одного из обмороков во время занятий А.П. Зернин впал в сумасшествие. В этом состоянии, уже навсегда покинув

университет, он проведёт три последних трагических года. Учёный умер в 1866 г. Столь ранняя смерть на 45-ом году жизни не позволила А.П. Зернину осуществить все свои научные замыслы, которые, несомненно, могли бы вывести его в лидеры тогдашней отечественной византистики.

За время работы в Харьковском университете учёный подготовил четыре больших научных очерка по истории средних веков. Три из них были посвящены истории Византии: «Император Василий I Македонянин» (1854), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858). Выбор столь обширных, фундаментальных тем говорит сам за себя. К тому же они открывали разработку этих направлений византиноведения, каждому из которых хватило бы, чтобы обессмертить имя взявшегося за них пионера-исследователя.

Общее, что объединяло все работы учёного – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Так, ещё в магистерской диссертации «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», подготовленной в Петербурге, А.П. Зернин очень высоко оценивал факт принятия Русью христианства от процветающей, культурной Византии. Само же введение новой религии он называл «вторым основанием государства»¹¹. Другим превалирующим моментом следует считать преимущественно историко-биографический характер исследований А.П. Зернина. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике наиболее блестящей Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий и выведшей Византию в число крупнейших, сильнейших держав средневекового мира.

Предвосхищая выводы современных византинистов, исследователь весьма высоко оценил в своём очерке деятельность Василия (ок. 813/836-886), который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I». Объясняя столь выдающиеся успехи, ученый особо подчёркивал роль василевса как законодателя и утверждал, что в

этом смысле он может быть по праву поставлен рядом с его знаменитым предшественником¹².

А.П.Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним¹³. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет А.П. Зернина, выступившего более чем на полвека раньше остальных. Много сделал учёный и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского изложения научная работа А.П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия до его восшествия на престол подаются столь необычно, что напоминают подвиги Геракла. При этом гипертрофированный научный интерес А.П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к её соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелёгкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели добродетелям, А.П. Зернин тем не менее указывал: «Главная причина его (Василия. - С.Л., С.С.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»¹⁴. Едва ли комплот неграмотного царского конюха, да и сам беспринципный претендент на трон своего благодетеля могли рассчитывать на подобную оценку, гораздо более высокую, чем в работах современных историков¹⁵.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А.П. Зернин представил разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы самодержавия. Высокий профессионализм источниковеда-исследователя, продемонстрированный здесь А.П. Зерниным, в ещё

большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константине Багрянородном (905-959).

Как и в первом сочинении, учёный проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам император получил в работе А.П. Зернина неоднозначную оценку, какую он продолжает занимать и в современных исследованиях. «Константин Багрянородный, - писал учёный, - принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесён к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»¹⁶.

Много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом при очевидных симпатиях А.П. Зернина к герою своего очерка и неприязни к противнику такового стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Подобное предпочтение А.П. Зернин объяснял тем, что на основании именно этого труда «мы можем судить, как понимал своё государственное значение Константин, и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»¹⁷. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А.П.Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательской манеры учёного, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков.

Столь подробный источниковедческий разбор с купюрами-вставками должен был оживить, углубить и основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми

поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще и не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нём одушевляющей силы»¹⁸. Между тем Г.Г. Литаврин в предисловии к изданию труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византинист не только считал, что Константин «...в сущности продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А.П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего¹⁹. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, творческий потенциал, порой преувеличиваемый византинистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения в отношении Константина VII - правителя, у истоков которой стоял А.П. Зернин, имеет большую историографию²⁰.

Серию изданий А.П. Зернина о византийской истории продолжил его историко-биографический очерк о патриархе Фотии. От характеристики правителей Византии и их трудов учёный перешёл, таким образом, к изучению византийской Церкви, в данном случае – одного из наиболее интересных и важных, переломных её периодов. А отсутствие к тому времени в историографии специальных работ, посвящённых Фотию, делало его труд ещё более актуальным. По меньшей мере, еще несколько десятилетий он будет оставаться пионером и в данном, намеченном им направлении исследований²¹.

Антизападные и антикатолические высказывания А.П. Зернина явно отражали настроения российского общества, только что пережившего Крымскую войну. Впрочем, стремление противопоставить ортодоксальную православную Византийскую империю католическому Западу не являлось доминирующей целью рассматриваемой работы. Главная задача А.П. Зернина заключалась в том, чтобы разобрать ценнейший исторический материал, а

именно – обильное эпистолярное наследие патриарха Фотия. В этом смысле данная монография учёного более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А.П. Зернина буквально пестрят цитатами из различных документов; некоторые письма приводятся целиком и вместе с пространными комментариями занимают несколько страниц. Публикация подобных письменных памятников представляет огромный интерес уже не столько для изучения деятельности патриарха, сколько для воссоздания объективной картины политической борьбы в Византии, взаимоотношений между римско-католической и греко-православной Церквями во второй половине IX столетия.

Много места в очерке уделено и личным столкновениям Фотия с папой Николаем I. «Вооружаясь против папы, - подчёркивал историк, - Фотий не имел в виду действовать от своего лица». Все усилия патриарха были обусловлены, по мнению А.П. Зернина, необходимостью защитить Восточную церковь и личной враждебности к Риму у него не было²². Это во многом совпадает с точкой зрения такого признанного авторитета по вопросу о Фотиевой схизме как Ф. Дворник²³.

Подводя итог многообразной деятельности патриарха, учёный отмечал: «Противодействуя непомерным притязаниям пап, цареградские патриархи постоянно смотрели на Фотия, как на образец поборника и защитника древних уставов церкви. Неудивительно после этого, что латинские писатели и по настоящее время смотрят на него, как на виновника разделения церквей. Он действительно был виновником разделения в том смысле, что поставил непреодолимую преграду стремлениям Рима к главенству над восточной церковью. Видя невозможность осуществления своих планов, папы отделились, завещав своим преемникам и своей церкви вечную и непримиримую ненависть к Фотию»²⁴. Таким образом, реабилитируя Фотия, А.П. Зернин разделение Церквей весьма оригинально поставил ему в заслугу, а папству – в вину.

Византинистика, и, прежде всего, история Романии IX-X вв., была для А.П. Зернина главным направлением его научных исследований в течение всей его педагогической деятельности. Единственным отступлением от данной тематики исследований

стали опубликованные им «Очерки, служащие к разъяснению истории Польши в первой половине XVI столетия» (1858).

Эта работа тоже базировалась на прочном историко-источниковедческом фундаменте, и некоторые события истории Польши первой половины XVI в. автор пытался подкрепить выдержками из «Asta Tomie» – «Томицианских актов». Сочинение раскрывает лишь один фрагмент польской политической истории, относящийся ко времени царствования прославленного Сигизмунда I Старого (1467-1548), короля польского и великого князя литовского в 1506 г.

Работа А.П. Зернина носит несколько беллетристический характер, и несомненное тяготение автора к оригинальным, не традиционным для отечественной историографии выводам, вероятно, должно было прикрыть вполне очевидный факт: А.П. Зернин не был глубоким специалистом по польской истории. Уже на первых страницах «Очерков» обнаруживается стремление автора представить Сигизмунда обладателем не только действительных, но и вымышленных добродетелей. А.П. Зернин, например, сообщает о том, что в бытность свою князем Глоговским и Опавским Сигизмунд вёл дела так, что «расположил к себе добрых, а для злых был бичом и ужасом», хотя кого коснулся этот самый «бич» остается неизвестным²⁵.

Одним из главных направлений деятельности польского королевского двора первой половины XVI в. была априори дипломатическая подготовка польско-литовской унии. С этой точки зрения от исследователя требовалось выяснить, какие именно социальные группы в Польше и Литве поддерживали эту идею, а какие противились ей. Выяснение данного вопроса А.П. Зерниным можно считать самой уязвимой частью его исследования. Автор не делал различий между литовскими магнатами, в действительности противившимися унии с Польшей, и литовской шляхтой, на деле стремившейся к ней. А.П. Зернин ошибочно считал и магнатов, и шляхту Литвы единой «партией литовцев». Представители этой, в трактовке учёного «единой партии», «как-то холодно смотрели на вопрос о соединении Литвы с Польшей... Обращаясь к отношениям Польши к Литве, - продолжал далее А.П. Зернин, - мы усматриваем здесь, что о соединении заботились более поляки, чем литовцы»²⁶.

Повествуя о восточной экспансии Польши, приведшей к ослаблению ее позиций на Западе и войне Сигизмунда с Москвой, А.П. Зернин считал, что поляков остановили вовсе не русские войска, а природные условия. «Неприятель, - писал он о соотечественниках, - уклонялся от решительного сражения, храбрость же и сила польского войска истощается в войне с лесами и болотами»²⁷. Подобные высказывания, появившиеся в печати в промежутке между двумя крупнейшими польскими восстаниями, разумеется, не стоили бы А.П. Зернину научной карьеры, но в то же время они вряд ли вызвали понимание в среде его преимущественно полонофобствующих коллег.

Сигизмунд I в изображении А.П. Зернина зачастую принимал почти легендарно-мифические черты. В самом деле, государь, «не желавший воевать со связывающими его руки сеймами», противник религиозного фанатизма, который «не выходил из границ умеренности, стараясь удержать в равновесии взаимно противоборствующие интересы общества», тот, кто «с самых первых дней своего правления обнаружил изумительную деятельность»²⁸, - такой персонаж с лёгкой руки А.П. Зернина вобрал в себя слишком противоречивые черты, чтобы в действительности сыграть ту роль, какую отвела ему польская история. Окончание очерка представляется нам более объективным. А.П. Зернин убедительно раскрывает здесь причины недовольства шляхты созданием постоянной армии, во многом лишившей её вековых привилегий, а также рисует вполне беспристрастный образ гнезненского архиепископа Иоанна (Яна) Лаского, являвшегося, по мнению автора, источником всех смут в государстве.

Таким образом, нельзя признать во всём удачным единственное обращение А.П. Зернина к материалу из польской средневековой истории. Тем контрастнее обнаруживаются исследовательские достоинства учёного в разработке им византиноведческой тематики. Объединённые общей точкой зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси, носящие преимущественно историко-биографический характер, эти работы А.П. Зернина демонстрируют его высочайший профессиональный уровень как учёного. Избирая для своих исследований малоизученные или вовсе неизученные

проблемы, харьковский исследователь рассматривал их на основе всесторонней комплексной и критической разработки привлечённых им письменных источников, в том числе впервые введённых им в отечественный научный оборот. В проблемном плане исследования А.П. Зернина важны для изучения внутренней и внешней политики византийского государства и Церкви эпохи раннего средневековья, в персональном плане - раскрывали деятельность трех крупнейших деятелей Византии - императоров Василия I Македонянина, Константина Багрянородного и патриарха Фотия. На тот момент харьковский ученый был, без сомнения, лучшим знатоком ромейской истории IX-X вв. Новаторской для своего времени была и педагогическая деятельность А.П. Зернина: он первым в украинских землях Российской империи ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам византийской истории. Несмотря на то, что А.П. Зернин не сумел, а точнее, не успел создать собственную школу византистики, его успехи во многом заложили фундамент для последующих региональных исследований по истории Византии во второй половине XIX-XX вв.

Примечания

¹ *Деревицкий А.* Михаил Назарович Петров (Страницы из истории Харьковского университета). Биографический очерк. – Харьков, 1887. – С. 12.

² *Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И.* Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. – 1991. – № 357. – С. 77.

³ *Лиман С.И., Сорочан С.Б.* Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804-1885) // Східний світ. – 2006. – №1. – С. 98 – 101.

⁴ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. – Л., 1929. – Ч. 1. – С. 16.

⁵ *Курбатов Г.Л.* История Византии (Историография). – Л., 1975. – С. 78.

⁶ *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905).* – Х., 1908. – С. 325 – 329.

⁷ *Обозрения преподавания предметов на историко-филологическом факультете Харьковского университета.* – Х., 1847. – 1863.

⁸ Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России ...С. 16.

⁹ Деревицкий А. Михаил Назарович Петров...С. 12.

¹⁰ Историко-филологический факультет Харьковского университета...С. 329.

¹¹ Зернин А.П. Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии. – СПб., 1846. – С. 3.

¹² Зернин А.П. Император Василий I Македонянин // Современник. – 1854. – Т. 47. - №9. – С. 37; Ср: Каплан М. Золото Византии. – М., 2002. – С. 20 – 25; Шейнэ Ж.-К. История Византии. – М., 2006. – С. 80 – 104.

¹³ Васильев А. Происхождение императора Василия Македонянина // Византийский временник. – 1906. – Т.12; Vogt A. Basile I-er empereur de Byzance. – Paris, 1908; Adontz N. L'age et l'origine de l'empereur Basile I // Byzantion. – 1933. – Т.8; Moravcsik G. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // Dumbarton Oaks Papers. – 1961. – №15.

¹⁴ Зернин А.П. Император Василий I Македонянин...С.50.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 162; Шейнэ Ж.-К. История Византии. – М., 2006. – С. 80.

¹⁶ Зернин А.П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Х., 1858. – С. 8.

¹⁷ Там же. – С. 83.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. – М., 1900. – С. 20, 23. Ср.: Дашков С.Б. Императоры Византии. – М., 1997. – С. 80.

²⁰ Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. – London, 1973. – P. 1 – 14; Gregory T.E. The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // Actes du XV-e Congres International des Etudes Byzantines. – 1980. – Vol.4. – P. 1 – 14.

²¹ Лебедев А.П. История разделения церквей...С. 51 – 64; Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire, From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802 - 867). – London, 1912. – P. 180 – 209; Россейкин Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. – Сергиев Посад, 1915.

²² Зернин А.П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия. – М., 1858. – С. 57.

²³ Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. – Cambridge, 1948.

²⁴ Зернин А.П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия...С. 85.

²⁵ *Зернин А.П.* Очерки, служащие к разъяснению истории Польши в первой половине XVI столетия. – Б. м., 1858. – С. 4.

²⁶ *Там же.* – С. 8, 11.

²⁷ *Там же.* – С. 16.

²⁸ *Там же.* – С. 19 – 21.

Резюме

Лиман С.І., Сорочан С.Б. Харківський період науково-педагогічної діяльності Олександра Петровича Зерніна (1821-1866).

У статті вперше комплексно розглядається багатобічна науково-педагогічна діяльність у Харківському університеті професора загальної та російської історії О.П. Зерніна. Підкреслюється, що в процесі своєї викладацької діяльності О.П. Зернін першим серед учених українських земель Російської імперії ввів у навчальний процес спеціальні курси з візантійської історії. Його новаторські підходи знайшли відображення й у наукових дослідженнях, присвячених головним чином внутрішньої і зовнішньої політики візантійської держави і Церкви епохи раннього середньовіччя. Дослідження А.П. Зерніна носили переважно історико-біографічний характер і розкривали діяльність імператорів Василя I Македонянина, Костянтина Багрянорідного і Константинопольського патріарха Фотія. Ці дослідження поєднувала загальна точка зору про вирішальний і різноманітний вплив Візантії на історичну долю Давньої Русі.

Михалицын П.Е.

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ АТРИБУЦИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ «ΧΡΙΣΤΟΣ ΠΑΣΧΩΝ» («СТРАЖДУЩИЙ ХРИСТОС»)

Византийская литература со всей ее многогранностью жанров, многоплановостью подходов, разнообразностью методов и приемов представляет такой феномен в истории мировой культуры, который, поистине, трудно переоценить. Одним из ее шедевров является трагедия «Страждущий Христос», атрибуция которой, в силу византийской литературной специфики, представляет определенные трудности. Именно их освещению, в рамках историографии, и посвящается данная статья. Необходимо